

УДК 821.161.1; 82-312.7

DOI: 10.18287/2782-2966-2021-1-1-70-77

Дата: поступления статьи: 29.01.2021
 после рецензирования: 10.03.2021
 принятия статьи: 01.04.2021

Е.А. Полева

Томский государственный педагогический университет, Томск, Российская Федерация
 E-mail: poleva@tspu.edu.ru
 ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4224-8456>

Самоидентификация героя в модернистском романе Лены Элтанг «Побег куманики»

Аннотация: роман Лены Элтанг «Pobeg kumaniki» («Escape (Sprout) of the Brambles») интерпретируется как современная модернистская проза. Теоретико-методологической базой исследования стали работы А.А. Житенева, Я.В. Солдаткиной, Н.Т. Рымаря, Т.Л. Рыбальченко.

Самоидентификация героя романа Лены Элтанг «Побег куманики» Мораса затруднена из-за отсутствия внешних опор существования (дома, связи с родными). Второе, что осложняет самоидентификацию, – невозможность соотносить себя с каким-то конкретным Другим (как в культуре, так и в окружении), так как ситуативно возникают противоречивые автоассоциации со множеством образов. Третья сложность – в желании совмещать в себе не просто разное, а противоположное (мужское и женское, наивное и мудрое и т.д.), реализовать в своей жизни «другие возможности». Многоголосье сознания и внешних ему точек зрения также не дают определённости в понимании себя. Основная трудность идентифицировать себя – в ограниченности гносеологических возможностей человека и в его неспособности занять позицию «внеаходимости», чтобы увидеть себя целостно.

«Побег куманики» прочитывается как роман о носителе андрогинного сознания, «постояльце» и «убикviste» – о человеке, способном существовать в разных условиях, проявлять себя в разных ипостасях, но не могущем дать аутентичное своей сущности самоопределение, постичь себя целостно. Базовые идеи в романе – «множественность сознания» и незавершимость самоидентификации человека в процессе жизни. Самоидентификация – часть жизнетворчества.

Ключевые слова: литература русской эмиграции, модернизм, самоидентификация, Лена Элтанг.

Цитирование: Полева Е.А. Самоидентификация героя в модернистском романе Лены Элтанг «Побег куманики» // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2021. Т. 1, № 1. С. 70–77. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2021-1-1-70-77>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Полева Е.А., 2021 – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой русской литературы, Томский государственный педагогический университет, 634061, Томск, ул. Киевская, 60.

Е.А. Poleva

Tomsk State Pedagogical University,
 Tomsk, Russian Federation
 E-mail: poleva@tspu.edu.ru
 ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4224-8456>

Self-Identification of the character in the modernist novel by Lena Etlang «Pobeg kumaniki»

Abstract: Lena Etlang's novel «Pobeg kumaniki» («Escape (Sprout) of the Brambles») is interpreted as a modern modernist prose that inherits the principles of the poetics of the «stream of consciousness» literature. The theoretical and methodological basis of the study was the work of A.A. Zhitenev, Ya.V. Soldatkina, N.T. Rymar, T.L. Rybalchenko.

The self-identification of the main character in the novel by Lena Etlang «Pobeg Kumaniki» is complicated because of the absence of external supports of existence (home, communication with relatives, the name given to him at birth is not mentioned). Moras defines himself as a «guest» and a «ubiquist», that is, a person who can exist in different conditions, but this does not answer the question «Who am I?». The second thing that complicates self-identification is the inability to relate yourself to any particular «Other» (both in culture and

in the environment), since situationally there are contradictory auto-associations with a variety of images from mythology and literature. The third challenge is the desire to combine not only different, but opposite (male and female, and depraved innocent, naive and wise, etc.). Pragmatism and the multidimensionality of identity, the desire to realize in my life «more options» (which gives the writing, creation of the text itself as others) that make the process of identity complex and unfinished. Another reason for the difficulty of identifying oneself is the limited epistemological possibilities and the inability of a person to take a position of «non-necessity» in order to see himself holistically. Eltang uses the Eastern parable of the cart, which illustrates the inability of a person to describe anything holistically, authentic to the essence of the described phenomenon. The main artistic principle of image-building in the novel is ambivalence, and the basic ideas are the «multiplicity of consciousness» and the incompleteness of a person's self-identification in the course of life.

Key words: Lena Eltang, modernism, literature of Russian emigration, self-identification.

Citation: Poleva, E.A. (2021), Self-Identification of the character in the modernist novel by Lena Eltang «Pobeg Kumaniki», *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 1, no. 1, pp. 70–77, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2021-1-1-70-77>.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© Poleva E.A., 2021 – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Russian Literature Tomsk State Pedagogical University, 60, Kievskaya St., 634061, Tomsk, Russian Federation.

Введение, методологические основы исследования

В современном литературоведении всё чаще появляются работы, использующие термин «неомодернизм», складываются два подхода к его пониманию. В докторской диссертации М.В. Безрукавой так обозначается новый виток «модернизации» литературы, преодоление и (или) трансформация постмодернистской эстетики в индивидуальных художественных практиках современных писателей. Исследователь считает, что следует ставить «проблему неомодернистских тенденций новейшей прозы в границах принципиальной амбивалентности современной литературы, практически исключая присутствие «реализма» или «модернизма» в своих классических формах» (Безрукавая 2019, с. 5). Исходя из этого рассматриваются как явления неомодернизма произведения разной эстетической природы – Ю. Буйды, Л. Улицкой, Э. Лимонова, А. Иличевского, М. Шишкина, Ю. Козлова, М. Елизарова, В. Сорокина, В. Пелевина (Безрукавая 2019). Современный литературный процесс понимается как объединённый единой культурной ситуацией, маркируемой «неомодернизм».

Второй подход, в русле которого выполнено данное исследование, связан с попытками установить в современном литературном процессе авторов, в творчестве которых проявляется эстетика модернизма, обновлённая в новой исторической ситуации, но сущностно близкая модернистской (неклассической) картине мира и художественным практикам начала XX века. А.А. Житенев считает, что термин «неомодернизм» не нужно связывать «с попытками преодоления постмодернистской парадигмы», а понимать под ним «родовое обозначение всего множества художественных практик второй половины XX – начала XXI веков,

развивающих традиции модернизма и авангарда» (Житенев 2012, с. 4–5). По убеждению А.А. Житенева, есть «набор представлений, универсальных ... и проявляющихся во всех “волнах”» модернизма; основным свойством модернистского художественного сознания исследователь считает «принципиальный отказ от “финализма” – от всех “ставших” и “готовых” форм самоидентификации, культурного сознания, художественной практики», отказ от «универсальных решений» (*курсив мой* – Е.П.)» (Житенев 2012, с. 5).

Сходная методологическая установка в анализе современной прозы позволяет Я.В. Солдаткиной (Солдаткина 2013, Солдаткина 2014) выделить отличительные свойства (нео)модернизма. Прежде всего, особенные функции ассоциативности, отношение к культуре, которая «коренным образом отличается от постмодернистской игры и деконструкции, но представляет собой попытку воссоздать совокупный образ культуры...» (Солдаткина 2014, с. 389). Второе отличие – в интенции героев модернистских произведений: «инаковость, ... устремленность к иным мирам и целям, не всегда успешная, но всегда чаемая» (Солдаткина 2014, с. 389).

Центральное место в мотивно-тематическом поле модернизма занимает ситуация самоидентификация личности, сложность которой объясняется картиной мира, выстраиваемой под влиянием открытий XX века (в физике, психологии, философии интуитивизма), которые поставили «метафизику сознания выше физики реальности» (Рыбальченко 1999, с. 70). Антропологические последствия субъективности миро- и самовосприятия индивида – проблемы самоопределения при отсутствии или отказе от внешних опор для этого. Согласимся с А.А. Житеневым: в модернизме «обретенная истина не подлежит тиражированию

и перестает быть истиной вне ситуации, в которой она была сформулирована. *Найденная идентичность не обретается раз и навсегда, но предполагает пересотворение как способ бытия*» (курсив мой – Е.П.)» (Житенев 2012, с. 6).

Результаты исследования

Лена Элтанг – писатель четвёртой волны эмиграции. В единичных статьях высказывались мнения о постмодернистской природе её текстов (Кожанова 2013, Мозжерина 2018), но чаще они интерпретируются как явление модернизма. Исследователи обратили внимание на особенности «метафорического стиля», поэтику потока сознания, мифологизацию феноменов реальности и сознания, лейтмотивное построение повествования её прозы (Фролова 2012, Михайлова, Самойленко 2013, Коврижных 2015).

«Побег куманики» (2006, вторая редакция – 2009) – это «роман внутренней точки зрения», в котором «...время жизни, время фабулы обращается в пространство сознания» героя (Рымарь 2006). В центре художественной рефлексии Элтанг – сознание персонажа, живущего одновременно в двух измерениях: субъективно воспринятой социальной реальности и в пространстве персонального мифа, культуры. Писатель использует полицентрическую систему персонажей-нарраторов, чьи точки зрения закреплены и выражены в эго-текстах (дневники, письма, записки). Они создают не полифонию, но многоголосие, оформляющее вариативность и интерпретации образа центрального героя, и мотивной реализации основных тем повествования. Посредством двух нарративных принципов – многоголосия и многократного возвращения к одной и той же теме с привлечением постоянно разных ассоциаций, аллюзий – повествование в «Побеге куманики» выстраивается лейтмотивно. К роману правомерно отнести наблюдения Н.Т. Рымаря, высказанные о романе Дж. Джойса «Улисс»: «Разветвленная и на первый взгляд совершенно не очевидная сеть мотивов, втягивающая в себя все новые и новые образы, образует как будто случайные связи и соседства, но их просчитанная художником повторяемость и повторяемость соседств указывают на проблемно-концептуальную связь. Эта связь ... моделирует концептуально важнейший ... принцип единства – единства по мифологическому типу: “все во всем”...» (Рымарь 2006). Основной сюжетный принцип, реализуемый благодаря полицентрической нарративной структуре, принцип «неопределенности», при котором описываемые события не идентифицируются «с каким-либо одним планом изображения», сюжет «наделяется неопределенной модальностью» (Теория литературы 2004, с. 299).

Центральный герой «Побега куманики» Морас – пациент психиатрической клиники в Испании, пи-

шущий дневник. Других нарраторов, кроме университетского профессора Джоан Фелис, доктора считают голосами сознания самого Мораса. Функционально же нарраторы делятся на тех, чьи сюжетные линии практически не пересекаются с сюжетной линией центрального персонажа, их точки зрения не «овнешняют» его образ. Это изгнанный из клиники за имморальные эксперименты профессор медицины Йонатан Йорк, брошенный женой неудачливый коллекционер Эжен Лева, желающий закрепиться в Испании студент из Восточной Европы Густоп Земерож, профессор Оскар Тео Форж, «списанный» работать в архив. Всех их, собравшихся вести археологические раскопки на Мальте, как и Мораса, характеризует одиночество, невостребованность, положение неудачника, каждый из них ассоциативно связан с одной или несколькими чертами Мораса, они как бы воплощают разные стороны / черты его личности. Морас не может определить, кто он по национальности, знает «все языки» – а все персонажи-мальтийские «археологи» разных национальностей, носители разных языков. Студент Густоп, как и Морас, «знает чертову уйму языков», «восточноевропейского происхождения», славянской внешности, с австрийцем Йорком Морас связан темами медицины и гомосексуализма, с французом Лева – переживанием неразделённости в любви, с англичанином Форжем – интересом к языкам и древним культурам, в текстах обоих значимое место занимает осмысление «других возможностей» и проблемы поиска целостности. Тексты нарраторов этой группы «поддерживают» основные повествовательные мотивы, создавая многоголосие то ли разных сознаний, внешних по отношению к герою, то ли (по версии докторов) сознания Мораса. Самоидентификация предполагает «осмысленный» «процесс отождествления себя с другим ... для построения образа собственного Я» (Болдин 2014). В этом смысле мальтийские персонажи не определяют его самоидентификации. Это другие (доктора) указывают, что Морас – это «и Лукас, и Бэбэ, и Фиона, и все остальные» (Элтанг 209, с. 168) (здесь и далее сохранена авторская орфография, отражающая особенности наррации героя – Е.П.). На метауровне их голоса образуют систему взаимоотражающих и взаимодополняющих зеркал образа центрального героя.

Вторая группа нарраторов – те, чьи голоса составляют, хотя и условную, но всё же внеаходимую сознанию героя рамку, привносящую в его образ завершающие моменты: профессор университета Джоан Фелис, археолог Фиона и следователь-полицейский Петра Грофф. Все трое проникнуты симпатией к герою; исследовательские навыки, предполагающие объективацию описываемого, объединяют их профессии, их отношение к Морасу имплицитно проявляет авторскую

позицию. Самый функционально сложный персонаж – это Фиона, которая, с одной стороны, интерпретирует, «овнешняет» образ Мораса, с другой стороны, это персонаж «мальтийской» группы, её Морас воспринимает как женскую, к сожалению для него, недостижимую ипостась его Я: «хотел бы я побыть фионой», «я не хочу быть с фионой, я хочу быть фионой»; «я думал о фионе, точнее – о себе, как о фионе» (Элтанг 2009, с. 139, 153, 201).

Размышления о том, «кто я», занимают центральное место в дневнике героя и осложняются рядом обстоятельств: с одной стороны, он знает все языки, мифологию, легенды разных народов мира, то есть обладает феноменальной памятью и знанием, с другой стороны, утверждает, что забыл все языки и проявляет страх вспомнить, как было «на самом деле». Вспоминание *настоящего прошлого* и восстановление знания о том, что было «на самом деле» означает выздоровление, которое Джоан Фелис и сам Морас воспринимают как угрозу смерти: «моя память – гамадрида, увидишь – и ослепнешь, а увидишь голой, так еще и умрешь...» (Элтанг 2009, с. 173). Герой не разграничивает «ложные» и «подлинные» воспоминания, поэтому в процессе самоидентификации в равной степени участвуют и те, и другие, для сознания между ними нет разницы. Процессу воспоминания (бывшего или придуманного) сущностно противопоставлены два состояния – тотального забывания и полноты воспоминания. Оба тождественны смерти, небытию, вызывают ужас: «*и убыванья ужас неизменный и неизменный ужас полноты*» (курсив Элтанг – Е.П.) (Элтанг 2009, с. 176). Джоан Фелис ассоциирует странную память Мораса и с самозащитой (одеждой) и со свободой: «Ясно, теперь мы лечим мальчика от воспоминаний. Осталось найти шерстяной кончик, дернуть за него и распустить его ложную память, будто старый свитер. И в чем он тогда станет ходить?»

Его *memoria* – это его свобода (курсив Элтанг – Е.П.) (Элтанг 2009, с. 361). Лже-воспоминания для сознания подлинны – *экзистенциальны*. Морас считает, что «...плохо рассказанные воспоминания изменяют прошлое, а плохо придуманные – будущее» (Элтанг с. 18). Получается, что вымышленные воспоминания («конфабуляции») способны сохранить самость, стать поддерживающим «каркасом» личность героя.

Кроме того, во всех воспоминаниях Мораса (и рассказанных, и придуманных) повторяются одни и те же модели его отношений с другими (он обречён на невзаимность или утрату общения с мужчинами, вызывающими чувство симпатии – так в каждой новых связях повторяется ситуация разрыва с братом). Так обнаруживается экзистенциальная устойчивость существования и сущности человека в меняющихся, не важно «придуманных» или реально бывших, событиях.

Модернистская антропология Элтанг проявляется в утверждении устойчивости внутреннего человека при разнообразии проявлений его Я, текучести автоассоциаций.

Самоидентификация Мораса протекает в условиях отсутствия внешних опор в социальной реальности. Его, как и центральных героев других романов Элтанг, отличает бездомность, которая обусловлена и историческими факторами, и биографическими (они не акцентируются, но создают семантически значимый фон). Морас родился в Советской Литве, связанной в его сознании с Россией и русским языком, на котором он думает и пишет. Утрата страны детства обусловлена не только распадом СССР, но и смертью отца, после которой его брат-опекун предпочёл вначале отдать Мораса на лечение в литовскую клинику, затем отдалить от себя, оплачивая обучение в испанском университете, а потом лечение в испанской клинике. Больница для героя, с одной стороны, – место уединения, идеальное пространство для сотворения своей «космологии», выраженной в тексте («Моя воля – лежал бы в больнице, пока все не напишу, что хочется. <...> Для того я и псих» (Элтанг 2009, с. 66)), с другой стороны, место насильственного отнятия индивидуальности (Мораса буквально лечат от его «неправильной» памяти, от уникальности); в предфинальных записях он мучительно переживает, что ему грозят обрезать волосы, так как воспринимает этот жест через отсылку к мифу о Самсоне и Далиле как лишение жизненной силы (Элтанг 2009, с. 331).

Отчий дом остался в прошлом, а в настоящем повторяется положение бездомного, где бы Морас ни находился – в Литве, Испании, на Мальте. Основные локусы его пребывания: съёмные квартиры, жильё у случайных знакомых, палаты клиники, в финале мальтийской истории – брошенный автомобиль. Возвращение Мораса домой невозможно, это обуславливает его позицию «постояльца», обречённого на движение и самопознание. Бездомность соотносится с самостоятельностью (я – единственное, что есть у меня), но при этом неопределённостью, что актуализирует необходимость определить себя в состоянии неустойчивости, текучести обстоятельств, знакомств, мест существования.

Бездомность является и метафорой состояния «не в себе»: «фелипе пишет, что я пришёл в себя, но я, кажется, пришёл в кого-то другого» (Элтанг 2009, с. 236). Человек вынужден не только внешне приспособливаться к изменчивым условиям существования, но и внутри он не ощущает себя кем-то конкретно, в сознании также нет определённости, а есть ощущение и желание быть разным. Это осложняет все сферы идентификации: «гендерную» (герой не может определиться, кто он – мужчина или женщина, и хотел бы объединить в себя их ка-

чества, стремление к андрогинии объясняется желанием не полноты физиологического опыта или социальных ролей, а цельности мироощущения, мировосприятия, как психологического, так и когнитивного), национальную (в нём намешено несколько кровей, он чувствует связь и с литовскими корнями, и с Россией), культурную и языковую (он знает культуру разных народов мира и все языки).

Дневниковый текст, который вначале Морас пишет на «жестком деске», а затем в сети Интернет, соединяет в себе семантику фантомности и места жизни сознания, «дома бытия» (М. Хайдеггер), границы которого проницаемы для неведомого, непознанного другого себя («сегодня я понял, кто еще тут пишет, в моем дневнике» – «морас второй» (Элтанг 2009, с. 117)) и для других (общедоступность – сущностное свойство сетевого дневника, которое радует героя: «он в каждом компьютере этого города» (Элтанг 2009, с. 44)).

Элтанг даёт свою интерпретацию бездомности, отличную от концепции русских эмигрантов первой волны. На фразу дружественного персонажа «фелипе» «мальтийский климат ... для русско-литовских студентов в изгнании чистая маета» Морас отвечает «а я не в изгнании вовсе ни в каком // я – убиквист!» (*курсив мой* – Е.П.) (Элтанг 2009, с. 59). Основное значение слова «убиквист» (от французского – «повсеместный, вездесущий») – вездесущность: это вид организмов, способный приспосабливаться к самым разным условиям; в переносном значении – человек, безразлично относящийся к условиям и месту жизни. Благодаря такому самоопределению бездомность Мораса делает его жителем мира вообще, без какой-либо миссии, без какого-то определённого смысла жизни. Он пишет: «и вот еще что я понял: отель для меня самое правильное место на свете, потому что я нигде не живу, но много где останавливаюсь» (Элтанг 2009, с. 257). Смена движения и остановок, уловление понимания себя и разрушение этого понимания в новых обстоятельствах, в иных контекстах – это и есть процесс жизнотворчества, а смысл жизни – быть собой, что само по себе трудно, так как человек никогда не совпадает ни сам с собой (словами М.М. Бахтина «ещё предстоит себе»), ни с другим.

Осложняет самоидентификацию Мораса и отсутствие родственных связей. Сведения о том, что Морас рос без матери, рано потерял отца, упоминаются единично. Прямо обозначенная утрата связи с братом, мучающая героя, также нечасто встречается в его дневнике, в отличие от писем «брату Мораса» Джоан Фелис, каждое из которых – призыв безвестному, полумифическому брату откликнуться и забрать Мо из больницы. Использование минус-приёма в описании семьи героя (о ней почти ничего неизвестно, только фрагмен-

тарные сведения, дающие представления об отношении к Морасу брата), на наш взгляд, объясняется авторской установкой перевести семантику психологических коллизий героя в философский, условно-метафорический план: Элтанг пишет не о трагичности сиротства, а о том, что утрата первооснов (дома, семьи, памяти о том, как было «на самом деле») открывает «другие возможности» – лейтмотивный образ в романах Элтанг, объединяющий самое желаемое («предмет для смертельной зависти») и мучительное («ад») (Элтанг 2009, с. 69). «Необременённость» связями, домом, памятью, с одной стороны, делают сознание свободным для пересочинения себя и своей реальности (жизнотворчества), способным к демииургии собственного мира и разных проявлений себя в тексте, с другой стороны, сознание несвободно от необходимости определять себя, искать любви, взаимности, поэтому, пусть неосознанно, мир сознания связан с находящейся за границами понимания социальной, эмпирической реальностью, ограничен тем, что было «на самом деле». Пространством самоидентификации и самореализации становится текст, замещающий дом, дающий на время ощущение дружбы, надежду на взаимность.

Утрата дома, семьи соотносится с неназыванием данного от рождения имени. Неизвестно, как звали героя в детстве в Литве, используемые в дневнике самоименования меняются в зависимости от ощущения себя в тех или иных обстоятельствах. Он отмечает, что в Испании он Морас или Мо (сокращённое от «Zarzadoras» – «испанская ежевика», «куманика»). Он сам даёт развёрнутую справку о значении выбранного для себя имени: «мора – это промежуток времени. Самая малая единица времени в античном стихе. <...> Будь здесь Ежи, мой виленский дружок, он сказал бы, что Мора – не пауза никакая, а существо с двумя душами – порождение славянского душевного сна, – чья недобрая душа появляется только ночью» (Элтанг 2009, с. 32), в другом месте поясняет, как звучание имени Моисей ассоциативно и многомерно соотносится с ним. Самоопределения, выраженные в именах, с одной стороны, конкретны, а с другой, – носят метафорический характер, полисемантичны и могут быть по-разному интерпретированы. В электронном дневнике он именуется себя _moses (Моисей). Благодаря ассоциациям, связанным с именем, писание дневника семантизируется как долгое странствие в поисках «дома», «земли обетованной».

В разных ситуациях Морас соотносит себя с персонажами восточных сказаний, легенд, мировой литературы, богами греческого пантеона, героями мифологии (Тиресий, Афина, Афродита и мн. др.). Повествование героя насыщено высказываниями, построенными по типу «я – это», но

самоопределения выражают самосознание в контексте конкретного предмета рассуждений: «Несомненно, я – куманика» (Элтанг 2009, с. 32), «я – убиквист!» (Элтанг 2009, с. 59), «я сам женщина», «горничные пишут сценарии каждый день, я сам практически горничная» (Элтанг 2009, с. 176), «Я паразит, хлебогрыз...» (Элтанг 2009, с. 118), «я типичный этруск» (Элтанг 2009, с. 195), «я – шлемиль, человек, к которому судьба прониклась внезапным отвращением» (Элтанг 2009, с. 199) и др. Разрозненность ассоциаций не позволяет выстроить герою целостный образ себя, его самоидентификация поливариантна. Многие высказывания о себе имеют форму сомнения, выражены вопросительной интонацией или отрицанием (я – не): «я – афродита?»; «писатель – да неужели?», «но я-то не англичанин и, кажется, даже не русский // а кто я?»; «я красивый? я – педик?»; «и кто я во сне – зритель? хозяин театра? сумасшедший бутфор?», «я не поэт», «я ... даже своему второму я не хозяин!» (Элтанг 2009, с. 58, 143, 199, 210). Подобные высказывания свидетельствуют о необходимости понять себя и о невозможности завершить этот процесс. Самоопределение ситуативно и многомерно, оказывается загадкой, оформляющей детективную интригу саморазгадывания в наррации героя. Незнание, кто я, создаёт внутреннюю драму героя, хотя Морас свободен в самооценке, как свободен от восприятия извне. Он понимает, что его воспринимают как аутсайдера, лузера, «урода», которого «не жалко», и лишь некоторые (Барнард, Джоан Фелис, Фиона) способны разглядеть в нём писателя, которому «не представлялся случай». Оценки других не определяют его внутренней жизни и не помогают понять, кто я. Можно характеризовать внутреннюю сущность Мораса как андрогинность, он совмещает в себе самые разные проявления (он мужчина-женщина, сутенёр-девственник, мудрец-дитя, жертва-демиург), однако именно её он не может до конца «объяснить» ни себе, ни другим: «и – ни разу, никому, ничего я ещё не смог объяснить» (Элтанг 2009, с. 175). Сознание Мораса при вербализации в дневнике, при попытках объяснить себя неминуемо рассыпается в хаосе определений или упирается в вопросы, на которые нет ответа.

Как объяснял М.М. Бахтин, «наше сознание никогда не скажет самому себе завершающего слова» (Бахтин 1979, с. 16). Ключом к пониманию специфики самоидентификации героя являются два интертекстуальных элемента – цитата из стихотворения А. Введенского «Мне жалко, что я не зверь...» (1934) и восточная притча о том, что такое «Я» (в некоторых источниках, что такое «ты»). Строчка-рефрен из стихотворения А. Введенского: «ещё есть у меня претензия, что я не ковер, не гортензия» (Элтанг 2009, с. 358) (*курсив Элтанг – Е.П.*) объясняет внутреннюю

устремлённость Мораса, подобно лирическому субъекту А. Введенского, быть всем, и сожаления о невозможности даже не быть, а ощутить себя разными сущностями и проявлениями. Формула «я не» не даёт ответа, кто же я (у А. Введенского «Мне страшно что я неизвестность» (Введенский 1993)). При обилии самоопределений героя в романе Элтанг «я неизвестность» доказывает ограниченность гносеологических возможностей человека. Объём знаний (Морас знает *все* языки) не обеспечивает способность понимания себя. Это иллюстрирует упоминаемая Морасом «притча о повозке»: «вот царь менандр спросил монаха нагасену, что такое я, а тот ему – нет чтобы ответить – взялся толковать притчу о повозке, которой нет то есть оси, колеса, верх деревянный есть, а повозки нет

лоренцо послушать, так я и лукас, и бэбэ, и фиона, и все остальные, а мораса, получается, нет» (Элтанг 2009, с. 168). Смысл притчи в том, что сущность чего бы то ни было человек может познавать и описывать только опосредованно. Описание частей не приближает к пониманию целого; что такое я – неопределимо. Самоидентификация – процесс, чем больше человек помнит и знает о себе, тем более он многомерен.

В финале Морас отказывается от писания дневника, завещая продолжить текст за него Джоан Фелис. Все его alter ego в дневнике либо умирают (археологи), либо с ними утрачено общение. Нахождение ответа на вопрос «кто я?», который, однако, не вербализован, не объяснён другим (читателям), совпадает с завершением земного существования.

Заключение

Анализ самоидентификации центрального героя первого романа Элтанг «Побег куманики» Мораса позволяет уточнить авторский вариант модернистской антропологии. Модернизм «человеку без свойств», носителю массового сознания противопоставляет личность с гипертрофированно проявляемым, нацеленным на самопознание Я, но не дающую исчерпывающий ответ на вопрос «кто я?», поскольку невозможна позиция венаходимости, и гносеологические возможности индивида ограничены. Сознание модернистского персонажа вынуждено обращаться к образам культуры, поскольку окружающие в позиции извне могут дать лишь статичное и узкое понимание. Восприятие других, как и культурные архетипы и образы в самосознании персонажа, создают разновекторные зеркала: отражения в них множат образ Я, делая процесс самоидентификации сложным и незавершимым.

Основным художественным принципом образостроения в романе является амбивалентность, а базовой идеей – незавершимость самоидентификации человека в процессе жизни.

Элтанг привносит принцип неопределённости в художественный психологизм и выражает «идею множественности сознания», констатирует «невозможностью идентифицировать себя в рамках одной личности», при «стремлении прожить множество жизней» (Ерохина 2009), продолжая этим традиции модернизма (символисты, В. Вульф).

Библиографический список

Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. Сост. С.Г. Бочаров, прим. С.С. Аверинцева и С.Г. Бочарова. Москва: Искусство, 1979. 423 с.

Безрукавая М.В. Неомодернизм в современной русской прозе : художественные модели мира, концепции человека, авторские стратегии : автореферат дисс. ... д. филол. н. Краснодар, 2019. URL: <https://www.disscat.com/content/neomodernizm-v-sovremennoi-russkoi-proze-khudozhestvennyye-modeli-mira-kontseptsii-cheloveka/read> (дата обращения: 12.10.2020).

Болдин С.Ю. Самоидентификация как опыт // Проблемы науки. 2014. №5 (23). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/samoidentifikatsiya-kak-opyt> (дата обращения: 14.12.2020).

Введенский А.И. Произведения 1926-1937. Собрание сочинений в двух томах. Том 1. Москва: Гилея, 1993. URL: <https://ruslit.traumlibrary.net/book/vvedenskiy-ss02-01/vvedenskiy-ss02-01.html> (дата обращения: 12.10.2020).

Ерохина Т.И. Жизнетворчество символистов в аспекте самоидентификации // Вестник Вятского государственного университета. 2009. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhiznetvorchestvo-simvolistov-v-aspekte-samoidentifikatsii> (дата обращения: 15.12.2020).

Житенев А.А. Порождающие модели и художественная практика в поэзии неомодернизма 1960-х–2000-х гг.: автореферат дисс. ... д. филол. н. Воронеж, 2012. URL: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01005092614.pdf (дата обращения: 12.10.2020).

Коврижных А.Ю. Поэтика романов Лены Элтанг // Язык. Культура. Коммуникации. 2015. № 1(3). (Электронный ресурс). URL: <https://journals.susu.ru/lcc/article/view/184/387> (дата обращения: 12.08.2020).

Кожанова Д. Книга отражений: «Другие барабаны» Л. Элтанг через «Письмовник» М. Шишкина // Контрабанда. 2013. 15 марта. С. 5.

Михайлова Г., Самойленко А. Художественная картина мира в романе Лены Элтанг «Каменные клёны» // Литература. Вильнюс. 2013. № 55(2). [Электронный ресурс]. URL: http://www.literatura.flf.vu.lt/wp-content/uploads/2014/03/55_2_91_106.pdf (дата обращения: 3.02.2017).

Можерина М.С. Поэтика жанра в романе Лены Элтанг «Каменные клёны» // Русская литература

и диалог культур в эпоху глобализации: материалы Всероссийской студенческой научно-практической конференции. Под ред. Е.И. Лелис. Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского государственного института кино и телевидения, 2018. С. 35–39.

Рыбальченко Т.Л. История литературы XX века как история литературных течений // Вестник Томского государственного университета. 1999. № 268. С. 68–72.

Рымарь Н.Т. Проблема «авторского сюжета» // Новый филологический вестник. 2006. № 2(3). С. 189–194. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_12881724_16687600.pdf (дата обращения: 02.11.2020).

Солдаткина Я.В. Неомодернистские тенденции в современной русской прозе // Литературоведение на современном этапе: Теория. История литературы. Творческие индивидуальности. К 130-летию со дня рождения Е.И. Замятина. По материалам международного конгресса литературоведов: сб. трудов. Ред. Н.Н. Комлик. Выпуск 2. Книга 2. Елец: Елецкий гос. ун-т им. И.А. Бунина, 2014. С. 386–390.

Солдаткина Я.В. Категория времени в современной русской прозе (М. Шишкин, М. Петросян, Е. Водолазкин) // Вісник Дніпропетровського університету імені Альфреда Нобеля. Серія «Філологічні науки». 2013. № 2 (6). С. 271–280. URL: <https://studylib.ru/doc/2231345/kategoriya-vremeni-v-sovremennoj-russkoj-proze--m.-shishkin-m> (дата обращения: 12.10.2020).

Теория литературы: учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений: В 2 т. Под ред. Н.Д. Тмарченко. Т. 2 : Бройтман С.Н. Историческая поэтика. Москва: Издательский центр «Академия», 2004. 368 с.

Фролова Т.Г. Эволюция метафорического стиля на рубеже XX–XXI вв.: автореферат дисс. ... к.ф.н. Санкт-Петербург. 2012. 21 с.

Элтанг Л. Побег куманики: роман. Москва: АСТ, Астрель, 2009. 416 с.

References

Bahtin, M.M. (1979), *Estetika slovesnogo tvorchestva = Aesthetics of verbal creativity*, Sost. S. G. Bocharov prim, S. S. Averinceva, S. G. Bocharova, Iskustvo, Moscow, Russia (in Russian).

Bezrukavaya, M.V. (2019), *Neomodernizm v sovremennoj russkoj proze: khudozhestvennyye modeli mira, koncepcii cheloveka, avtorskie strategii = Neomodernism in modern Russian prose: artistic models of the world, human concepts, author's strategies]: avtoreferat diss. ... d. filol. n. Krasnodar*, [Online], available at: <https://www.disscat.com/content/neomodernizm-v-sovremennoi-russkoi-proze-khudozhestvennyye-modeli-mira-kont>

septsii-cheloveka/read (accessed 12 okt 2020), (in Russian).

Boldin, S.Yu. (2014), Samoidentifikaciya kak opyt = Self-identification as an experience, *Problemy nauki = Problems of science*, no. 5 (23), [Online], available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/samoidentifikatsiya-kak-opyt> (accessed 14 feb 2021), (in Russian).

Vvedenskij, A.I. (1993), *Proizvedeniya 1926-1937. Sobranie sochinenij v dvuh tomah = Works of 1926-1937. Collected works in two volumes*, vol. 1, Gileya, Moscow, Russia, [Online], available at: <https://ruslit.traumlibrary.net/book/vvedenskiy-ss02-01/vvedenskiy-ss02-01.html> (accessed 12 oct 2020), (in Russian).

Erohina, T.I. (2009), ZHiznetvorchestvo simvolistov v aspekte samoidentifikacii = Life-creation of symbolists in the aspect of self-identification, *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Vyatka State University]*, no. 1, [Online], available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhiznetvorchestvo-simvolistov-v-aspekte-samoidentifikatsii> (accessed 15 dec 2020), (in Russian).

Zhitenev, A.A. (2012), *Porozhdayushchie modeli i hudozhestvennaya praktika v poezii neomodernizma 1960-h – 2000-h gg. = Generative models and artistic practice in neo-modernist poetry 1960–2000: avtoreferat diss. ... d. filol. n. Voronezh*, [Online], available at: <https://new-disser.ru/avtoreferats/01005092614.pdf> (accessed 12 oct 2020), (in Russian).

Kovrizhnyh, A.Yu. (2015), Poetika romanov Leny Eltang = Poetics of novels by Lena Eltang, *Yazyk. Kul'tura. Kommunikacii = Language. Culture. Communication tools*. № 1(3), [Online], available at: <https://journals.susu.ru/lcc/article/view/184/387> (accessed 12.10.2020), (in Russian).

Kozhanova, D. (2013), Kniga otrazhenij: «Drugie barabany» L. Eltang cherez «Pis'movnik» M. Shishkina = Book reflections: «Other drums» L. Alting through «the light and the Dark» M. Shishkin, *Kontrabanda = Smuggling*, 15 marta, p. 5, (in Russian).

Mihajlova, G. and Samojlenko, A. (2013), Hudozhestvennaya kartina mira v romane Leny Eltang «Kamennye klyony» = Artistic picture of the world in the novel by Lena Eltang «Stone maples», *Literatura. Vil'nyus*, no. 55 (2), [Online], available at: http://www.literatura.flf.vu.lt/wp-content/uploads/2014/03/55_2_91_106.pdf (accessed 3 feb 2017), (in Russian).

Mozzherina, M.S. (2018), Poetika zhanra v romane Leny Eltang «Kamennye klyony» = Poetics of genre in Lena Eltang's novel «Stone maples», *Russkaya literatura i dialog kul'tur v epohu globalizacii: materialy Vserossijskoj studencheskoj nauchno-prakticheskoj konferencii = Russian literature and dialogue of cultures in the era of globalization: materials of the all-Russian student scientific and*

practical conference. Pod. red. E.I. Lelis. SPb: Izdvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kino i televideniya. pp. 35 – 39, (in Russian).

Rybal'chenko, T.L. (1999), Istoriya literatury XX veka kak istoriya literaturnyh techenij = History of literature of XX century as the history of literary trends, *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Tomsk State University*, no. 268, pp. 68–72.

Rymar', N.T. (2006), Problema «avtorskogo syuzheta» = The problem of the «author's plot», *Novyj filologicheskij vestnik = New Philological Bulletin*, no. 2 (3), pp. 189–194, [Online], available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_12881724_16687600.pdf (accessed 02 nov 2020).

Soldatkina, Ya.V. (2014), Neomodernistskie tendencii v sovremennoj russkoj proze = Neomodernist trends in contemporary Russian fiction, *Literaturovedenie na sovremennom etape: Teoriya. Istoriya literatury, Tvorcheskije individual'nosti. K 130-letiyu so dnya rozhdeniya E.I. Zamyatina. Po materialam mezhdunarodnogo kongressa literaturovedov: sb. trudov = Literary criticism at the present stage: Theory. History of literature. Creative individuals. To the 130th anniversary of the birth of E. I. Zamyatin. Based on the materials of the International Congress of Literary Critics: collection of works*, N.N. Komlik (ed.), no. 2, Eleckij gos. un-t im. I.A. Bunina, pp. 386–390.

Soldatkina, Ya.V. (2013), Kategoriya vremeni v sovremennoj russkoj proze (M. SHishkin, M. Petrosyan, E. Vodolazkin) = The Category of Time in Modern Russian Prose (M. Shishkin, M. Petrosyan, E. Vodolazkin), *Visnik Dnipropetrovs'kogo universitetu imeni Al'freda Nobelya. Seriya «Filologichni nauki» = Bulletin of the Alfred Nobel Dnipropetrovsk University. Series "Philological Sciences"*, no. 2 (6). pp. 271–280, [Online], available at: <https://studylib.ru/doc/2231345/kategoriya-vremeni-v-sovremennoj-russkoj-proze--m.-shishkin--m> (accessed 12 oct 2020).

Teoriya literatury = Theory of literature, (2004), N.D. Tamarchenko (ed.), in 2 vol., Brojtman, S.N. *Istoricheskaya poetika = Historical poetics*, vol. 2, Akademiya, Moscow, Russian, (in Russian).

Frolova, T.G. (2012), *Evoljucija metaforicheskogo stilya na rubezhe XX–XXI vv. = Evolution of metaphorical style at the turn of the XX–XXI centuries*, 21 p., (in Russian).

Eltang, L. (2009), *Pobeg kumaniki = Escape (Sprout) of the Brambles*, AST, Astrel', Moscow, Russia, (in Russian).

Submitted: 29.01.2021

Revised: 10.03.2021

Accepted: 01.04.2021